

Николай Михайлович Карамзин

Великий муж Русской Грамматики

Николай Михайлович Карамзин

Великий муж Русской Грамматики

«...Для успехов всякой науки, всякого искусства, надобно желать педантов; они могут быть иногда смешны, но всегда полезны. Кто не знает славного ТРАКТАТА О СОЛОВЬЯХ, которого автор доказывает, что предмет его важнее философии, нравственности, политики, богословии? Зато охотники до соловьев узнали, как надобно обходиться с ним и спасать их от болезней.

Таким образом я пользуюсь дружбою одного, крайне ученого мужа, который живет единственно для склонений и спряжений, божится родами, видит во сне наречия; и если, марая бумагу, ошибаюсь менее других – если умею иногда задуматься над словом, умею быть осторожным – то конечно ему обязан сею выгодою...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

#1	0005
Примечания	0018

**Николай Михайлович
Карамзин
Великій мужъ Руской
Грамматики**

Для успѣховъ всякой Науки, всякаго Искусства, надобно желать Педантовъ; они могутъ быть иногда смѣшны, но всегда полезны. Кто не знаетъ славнаго *трактата о соловьяхъ*, котораго Авторъ доказываетъ, что предметъ его важнѣе Философіи, нравственности, Политики, Богословіи? За то охотники до соловьевъ узнали, какъ надобно обходиться съ нимъ и спасать ихъ отъ болѣзней.

Такимъ образомъ я пользуюсь дружбою одного, крайне ученаго мужа, который живетъ единственно для склоненій и спряженій, божится родами, видитъ во снѣ нарѣчія; и естли, марая бумагу, ошибаюсь менѣе другихъ – естли умѣю иногда задуматься надъ словомъ, умѣю быть осторожнымъ – то конечно ему обязанъ сею выгодною. Всякой мѣсяцъ хожу къ нему раза два, и всякой разъ возвращаюсь домой съ новымъ почтеніемъ къ Грамматикѣ. На воротахъ его, всегда запертыхъ, написано множество *вопросительныхъ знаковъ*???. Сіи *гіероглифы* извѣщаютъ гостей, желающихъ войти на дворъ, что хозяину надобно знать прежде: *кто они? зачѣмъ пришли?* и проч. – Въ домѣ видите вездѣ жи-

вописныя аллегоріи и эмблемы Грамматики. На примѣръ: женщина съ перомъ въ рукѣ и въ Мантии, усѣянной буквами Ъ, І и Ѳ, есть *Орѳографія*; другая, представленная въ родахъ, *Этимологія*; Геркулесь, разящій палицею великана Альбіона, изображаетъ *удареніе*; маленькой человекъ, съ ужаснымъ брюхомъ, *предлогъ*; камень, летящій между двумя деревьями, *междоиміе*; Нарциссъ, смотрящійся въ воду, *наклоненіе*; молодая женщина, которая дозволяетъ любовнику обнять себя, *падежъ*; старикъ, считающій деньги, *имена числительныя* и проч. и проч. На дверяхъ его кабинета написано крупными буквами: *Человѣкъ всего болѣе отличается отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ; слѣдственно наука языка есть истинно-человѣческая и важнѣйшая.* Въ самомъ кабинетѣ изображена Грамматика въ видѣ Египетской богини Изиды, закутанной въ пелены, и надпись говоритъ: *никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ; ибо хозяинъ. думаетъ, что мы еще не имѣемъ совершенной Грамматики – и когда я принесъ ему новѣйшую, онъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ въ ней роспись глаголо-*

въ: калывать, гаривать, баливать, жидать, лыгать, колебливать, трепливать, и воскликнулъ голосомъ сокрушеннаго сердца: „О Небо! когда въ семъ наклоненіи бывали такіе глаголы въ языкѣ Рускомъ? Можно ли изъявительное такъ своевольно обратитъ въ неокончательное и глаголы недостаточные въ полные? Можно ли забыть, что нѣкоторые изъ нихъ употребляются только съ предлогами, какъ-то: накалывать, ожидать, прилыгать?» – Слезы текли ручьями по лицу чувствительнаго старца. Я не могъ видѣть его печали, ушелъ, и черезъ двѣ недѣли снова явился въ кабинетъ ученаго мужа.

Онъ казался уже гораздо спокойнѣе, самъ началъ говорить о новой Грамматикѣ, хвалилъ въ ней многія полезныя замѣчанія, но осуждалъ раздѣленіе глаголовъ по ихъ неокончательному наклоненію, доказывая его невѣрность и сбивчивость. Мой другъ! оказалъ онъ: вамъ даютъ правила; но всякое изъ нихъ раждаетъ исключеніе. Я могу утвердить ихъ наизусть и безпрестанно ошибаться: слѣдственно правила неосновательны. На примѣръ: Авторы говорятъ, что глаго-

лы, которые въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *ать*, переменяютъ сіи буквы въ *изъявительномъ* наклоненіи *перваго* лица *настоящаго* времени на *ю*; но они должны тотчасъ примолвить, что глаголы *плакать*, *кликать* и многіе другіе уклоняются отъ сего закона! Не будемъ клеветать на языкъ: онъ имѣетъ вѣрныя законы для измѣненія буквъ въ разныхъ случаяхъ *глагола*, но мы только еще не открыли ихъ. Изъяснимъ *великое* *малымъ*, и скажемъ, что натура во всѣхъ твореніяхъ и разрушеніяхъ слѣдуетъ вѣчнымъ, единообразнымъ законамъ, которые однакожь по большой части укрываются отъ *Натуралистовъ*. *Спряженія* во всѣхъ *коренныхъ* языкахъ составляютъ главную трудность: кто приведетъ ихъ у насъ въ ясную систему, того ожидаетъ вѣнецъ безсмертія; но сей великій мудрецъ, сей блаженный смертный еще не родился. Я посѣдѣлъ надъ *глаголами*, и не дерзаю думать о системѣ.

,Однакожь Небо награждаетъ усердіе друзей истины, и естли не совсѣмъ, то хотя сколько нибудь озаряетъ ихъ свѣтомъ ея. Такимъ образомъ и мнѣ удалось открыть въ

разсужденіи глаголовъ истинное правило – истинное, говорю: и оно не имѣетъ ни одного исключенія» – Всякой догадается, что я нетерпѣливо хотѣлъ знать его. Хозяинъ мой улыбался съ гордостію – видно было, что онъ вспомнилъ славнѣйшую эпоху жизни своей – поправилъ на головѣ колпакъ, откашлялся, сѣлъ прямѣе на креслахъ, значительнымъ движеніемъ руки приготовилъ меня ко вниманію, и съ неизъяснимою важностію громко произнесъ слѣдующее: «Всѣ глаголы, которые въ настоящемъ времени, въ третьемъ лицѣ единственнаго числа кончаюся на *итъ*, должны во множественномъ числѣ того же лица и времени оканчиваться на *ятъ* или *атъ* (*мчитъ, мчатъ; славитъ, славятъ*); другое же окончаніе единственнаго числа съ буквою *Е* вмѣсто *И* перемѣняется во множественномъ всегда на *утъ* или *ютъ* (*владѣетъ, владѣютъ; лжетъ, лгутъ*). Теперь найдите, любезный другъ, хотя одинъ глаголь, который уклонялся бы отъ сего правила! Даю вамъ часъ, годъ, вѣкъ на размышленіе!»...

Онъ снова поправилъ колпакъ свой, началъ тереть себѣ ладони пальцами, и не

хотѣлъ смотрѣть на меня, чтобы не мѣшать мнѣ думать... Черезъ нѣсколько минутъ молчанія я смиренно объявилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ не умѣю придумать ни одного исключенія, но что не вижу также и большой пользы сего правила. Пользы?» возразилъ онъ съ живостію: а развѣ Авторы наши не пишутъ *надѣются* вмѣсто *надѣются*, *сѣять* вмѣсто *сѣютъ* и *стоятъ* вмѣсто *стоятъ*? Самъ я, рожденный для Грамматики, въ семь случаевъ угадывалъ истину единственно по щастливому вдохновенію Природы!.. Выслушайте исторію. Паденіе яблока съ дерева, въ глазахъ Невтона, открыло намъ систему *тяготенія*: Грамматика обязана моимъ открытіемъ – ржанію лошадей. Однажды кучеръ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: *два дни сряду у насъ безпрестанно ржать лошади*. Вреть, отвѣчалъ я: надобно говорить *ржутъ*. Упрямой кучеръ не хотѣлъ согласится со мною. Мы призвали другихъ людей: выходила разноголосица. Я безпокоился, ѣздилъ, бѣгалъ по улицамъ, останавливалъ знакомыхъ и незнакомыхъ, спрашивая: *ржутъ* или *ржатъ*? Не многіе понимали важность моего вопроса;

нѣкоторые смотрѣли на меня съ удивленіемъ; другіе смѣялись. Одинъ молодой человекъ, которой ѣхаль верхомъ съ дамою, будучи такимъ образомъ остановленъ мною и видя, что красавица его испугалась моего грамматическаго вопроса, махнулъ хлыстомъ и сдѣлалъ меня Циклопомъ навѣки.» (Надобно знать, что Грамматикъ нашъ кривъ.), Это бездѣлица; но къ несчастью, я не могъ употребленіемъ языка рѣшить спора моего съ кучеромъ: одни соглашались со мною, другіе съ нимъ. Надлежало искать правила – и черезъ 6 мѣсяцевъ, самыхъ безпокойнѣшихъ въ жизни моей, я нашелъ его (оно уже вамъ извѣстно): надобно говорить *ржутъ*, ибо мы говоримъ *ржетъ*. *Е* перемѣняется только на *У* или *Ю*.»

Я слушалъ великаго мужа съ искреннимъ вниманіемъ и смотрѣлъ на кривой глазъ его съ почтеніемъ. Кто изъ смертныхъ приносилъ такія жертвы грамматическому любопытству?

Но сей великодушной человекъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ заплативъ глазомъ за открытіе истины въ *спряженіяхъ*, еще въ мо-

лодости лишился выгоднаго мѣста отъ усердія къ правильности склоненій. Мы въ другое свиданіе говорили съ нимъ объ *именахъ числительныхъ*: онъ доказывалъ, что наши Грамматики не даютъ вѣрнаго правила для сочиненія ихъ съ другими именами, и сказалъ: „Вы найдете въ Грамматикахъ, что надобно говорить: *два человѣка, семь рублей*: важное наставленіе! Кто изъ Рускихъ ошибается въ этомъ случаѣ? Но гдѣ же узнаете, какъ должно писать: *съ двумя стами Гранадеръ или Гренадерами, съ двумя тысячами рублей или рублями*? Вотъ камень преткновенія! вотъ узелъ Гордіевъ!.. Любезной другъ! теперь сообщу вамъ мое второе открытіе и расскажу еще анекдотъ. Я былъ нѣкогда Секретаремъ, у Графа Н. Н. и пользовался его милостію. Онъ приказалъ мнѣ однажды сочинить письмо къ Министру о важномъ дѣлѣ. Я уже дописывалъ его, но вдругъ остановился; надобно было сказать: *въ осьмидесяти тысячахъ рублахъ или рублей*: какъ же правильнѣе? думалъ, ломалъ голову; часы и дни проходили. Графъ требовалъ письма, и слыша все одинъ отвѣтъ: *не готово!* наконецъ

цѣ такъ, разсердился, что не велѣлъ меня выпускать изъ горницы и осудилъ, какъ Англійскаго Присяжнаго, на голодную смерть, естли не исполню своей должности. Неволя и голодъ безъ сомнѣнія непріятны, но ужаснѣе всего ошибиться противъ Грамматикѣ, и я три дни не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, а въ четвертой, по милости Неба, нашель правило – дописалъ письмо, и едва могъ, отъ изнуренія силъ, дотащиться до Графскаго кабинета, чтобъ вручить ему бумагу. Онъ хотѣлъ знать причину моего неизъяснимаго упрямства – и душа моя, обрадованная великимъ открытіемъ, излилась передъ нимъ въ искреннемъ признаніи. Графъ засмѣялся, подарилъ мнѣ осыпанную брилліантами табакерку, но велѣлъ искать другова мѣста, сказавъ: *тебѣ впредь могутъ встрѣчаться грамматическія сомнѣнія, а бумаги мои требуютъ скорости.»*

Я желалъ свѣдать правило, которое выгнало его изъ Графской Канцеляріи. Вотъ оно,» отвѣчалъ великодушный Грамматикъ (разумѣется, что онъ опять взялъ на себя видъ законодателя, который съ высоты трона

даетъ уставы вселенной): естли имя числительное не имѣеть рода (какъ-то: два, пять, десять, семдесятъ), то существительное должно быть съ нимъ. Въ одномъ падежѣ, и мы говоримъ: въ шестидесяти рубляхъ, а не рублей; когда же число имѣеть родъ (на примѣръ: пятокъ, десятокъ, сотня, тысяча, миллионъ), то имя, за нимъ слѣдующее, должно быть всегда въ родительномъ падежѣ, и надобно говорить: тысячами рублей, въ миллионѣ душъ, а не тысячами рублями, не въ миллионѣ душахъ. Когда же за тысячами или за миллиономъ слѣдуетъ число безродное, то существительное принимаетъ его падежъ, и надобно писать: съ двумя тысячами двадцатью Гранадерами, а не ,Гранадеръ.» – Хорошо, сказалъ я: но число сто имѣеть ли родъ по сему правилу, и какъ надобно сочинять его съ именами? – ,Браво, браво, любезный другъ!» отвѣтствовалъ ученый мужъ:,этотъ вопросъ доказываетъ, что Геній Грамматики, пролетая вселенную махнулъ крыломъ надъ твоею головою! Такъ, число сто приводило меня въ сомнѣнiе; но я увѣрился наконецъ, что оно имѣеть родъ, когда мы говоримъ:,первое сто,

второе сто, и когда оно употребляется во множественномъ числѣ: *пять сотъ, шесть сотъ*, и проч. Это рѣшительно – и въ слѣдствіе моего правила должно говорить: *съ тремя стами Рускихъ*, а не *Рускими*. – Такимъ образомъ любовь къ *великой наукѣ* отъ времени до времени производитъ открытія; но (говорю и повторяю), что Россійская Грамматика есть донынѣ богиня Изида въ пеленахъ: никто еще не обнажилъ всѣхъ ея *тайностей*. Мой другъ гораздо легче имѣть полную, ясную, мудрую систему гражданскаго законодательства, нежели языка; гораздо легче сдѣлаться всѣмъ судьямъ правосудными нежели всѣмъ Писателямъ грамотными»... Тутъ я невольнымъ образомъ воскликнулъ: *увы!.. Грамматикъ мой продолжалъ; Разумью ваше, любезный другъ, междоуміе*; оно конечно горестно; но такъ вѣчнымъ судьбамъ угодно!..

*O Grammaire, abyme immense!
Tu nous laisses-fau clarté.
Notre fort est l'ignorance:
Le favoir eit vanité[1]!*

Мы щастливы и тѣмъ, что можемъ *надѣяться* — и я заказалъ уже первому живо-

писцу нашей Академіи представить на картинѣ Минерву, выходящую въ блестящихъ доспѣхахъ изъ Юпитерова мозга: она будетъ для меня образомъ Грамматики, которая со временемъ выдетъ изъ головы мудрецовъ Россійскихъ, *вооруженная вѣрными правилами на всѣ возможные случаи языка.* Въ послѣднюю минуту жизни моей взгляну на эту картину, и спокойно закрою глаза навѣки!»

Но сей огненный любовникъ правилъ не можетъ терпѣть излишно строгихъ. Онъ разсердился до крайности на сочинителей упомянутой новѣйшей Грамматики, которые говорятъ рѣшительно, что предлогъ между требуетъ всегда *падежа творительнаго*, и что *родительный* есть въ такомъ случаѣ ошибка. Мой другъ!» сказалъ онъ: употребленіе есть избалованное дитя народовъ, съ которымъ нельзя обходиться сурово; надобно во многомъ щадить его. Давно уже Рускіе говорятъ: *между полями и между полей*, соображаясь иногда съ пріятностію слуха. Сохрани насъ Богъ отъ тиранства! Грамматикъ долженъ быть добродушнымъ и жалостливымъ, особ-

ливо къ стихотворцамъ. Ахъ! они и такъ не рѣдко стенають отъ упругости длинныхъ словъ въ языкѣ Рускомъ: на что ихъ обременять лишними слогами? Нѣтъ, у насъ не каменные сердца; нѣтъ! Грамматикъ чувствительной, и даже справедливой, съ обыкновенною искренностію скажетъ имъ: пишите смѣло между жасминовъ и лилей, вы, невинныя дѣти Аполлоновы! Пишите, какъ вамъ угодно – какъ вамъ угодно, друзья мои!»...

Тутъ голосъ его такъ смягчился, на лицѣ изобразилась такая добродушная, милая, нѣжная улыбка, что слезы покатались изъ глазъ моихъ.... О торжество чувствительности даже и въ самой Грамматикѣ!.. Одно воспоминаніе сей минуты трогаетъ мое сердце – и я долженъ бросить перо!!

А. Б. В.

Примечания

Указатель къ **Вѣстнику Европы** 1802–1830
10. Великой мужъ Русской Грамматики
(ч. 8, № 7, стр. 200–212), подписано А. Б. В. Ста-
тья Н. М. Карамзина, перепеч. въ П. С. С., изд.
Смирдина, т. 3, стр. 317. Авторъ высказаль
туть нѣсколько грамматическихъ правилъ
относительно спряженій, склоненій и
согласованія словъ.

Сноски

1

Пародія Вольтеровыхъ стиховъ: O nature
abyeme immense.

[^^^]